

принимаетъ колоссальныя размѣры. Возвращеніе во Францію сводитъ его на землю, но привычка не сразу теряетъ пріобрѣтенную силу, тѣмъ болѣе, что въ авторѣ „*Année terrible*“ Франція видитъ выразителя своего господствующаго чувства. Реакція противъ Гюго и противъ гюголатріи становится замѣтной только тогда, когда новая литературная школа формулируетъ новую литературную доктрину. Ультра-натурализмъ объявляетъ войну романтизму и, въ качествѣ воюющей стороны, мало заботится о сдержанности и справедливости. Ему ничего не стѣитъ провозгласить Гюго риторомъ и *только* риторомъ, ничего не стѣитъ сдать его въ архивъ, осудить его на полное и скорое забвеніе. Золѣ не былъ и не могъ быть *критикомъ* В. Гюго; онъ слишкомъ для этого одностороненъ, слишкомъ влюбленъ въ самого себя и въ свои убѣжденія, слишкомъ увѣренъ въ непогрѣшимости своихъ пріемовъ. Ему удалось лишь одно: опрокинуть перегородки, затруднявшія приближеніе къ В. Гюго, показать въ немъ— вмѣсто кумира, требующаго жертвоприношеній—человѣка, наравнѣ съ другими подлежащаго изслѣдованію и изученію. Теперь ничто не препятствуетъ болѣе исполненію этой задачи. Великій поэтъ сошелъ въ могилу; его не оскорбитъ непривычное отношеніе къ его творчеству, не возмутитъ попытка опредѣлить, съ одинаковой точностью, сильныя и слабыя стороны его дарованія. Само собою разумѣется, что между сочиненіями и статьями, посвящаемыми, въ послѣднее время, памяти В. Гюго, не всѣ идутъ новой дорогой, не всѣ замѣняютъ подчеркиванье отдѣльныхъ красотъ и недостатковъ стремленіемъ возсоздать типичныя, основныя черты умершаго поэта. Эрнестъ Дююи, напримѣръ, пишетъ цѣлую книгу („*Victor Hugo, l'homme et le poète*“) по старому шаблону, переходя отъ одной группы произведеній къ другой, иногда критикуя, чаще восхищаясь, распыляясь въ подробностяхъ, соединенныхъ чисто-виѣшнею связью. Совершенно иначе поступаетъ Эмиль Фагэ, авторъ этюдовъ о великихъ писателяхъ XVII-го и XIX-го вѣка ¹⁾. Онъ принадлежитъ къ той плеядѣ молодыхъ французскихъ критиковъ, о которой недавно шла рѣчь въ нашемъ журналѣ ²⁾. Болѣе исчерпывающій, чѣмъ Жюль Леметръ, болѣе живой, чѣмъ Брюнетьеръ, онъ бодро идетъ по стопамъ Тэна, отыскивая „господствующую способность“ (*faculté maitresse*) писателя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, гораздо болѣе чѣмъ Тэнъ, обращаетъ вниманіе на технику творчества, на форму произведеній.

¹⁾ *Emile Faguet. Les grands maitres du dix-septième siècle. Etudes littéraires sur le dix-neuvième siècle.* Обѣ книги выдержали въ короткое время по три изданія.

²⁾ См. № 6 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ: „Новая французская критика“.